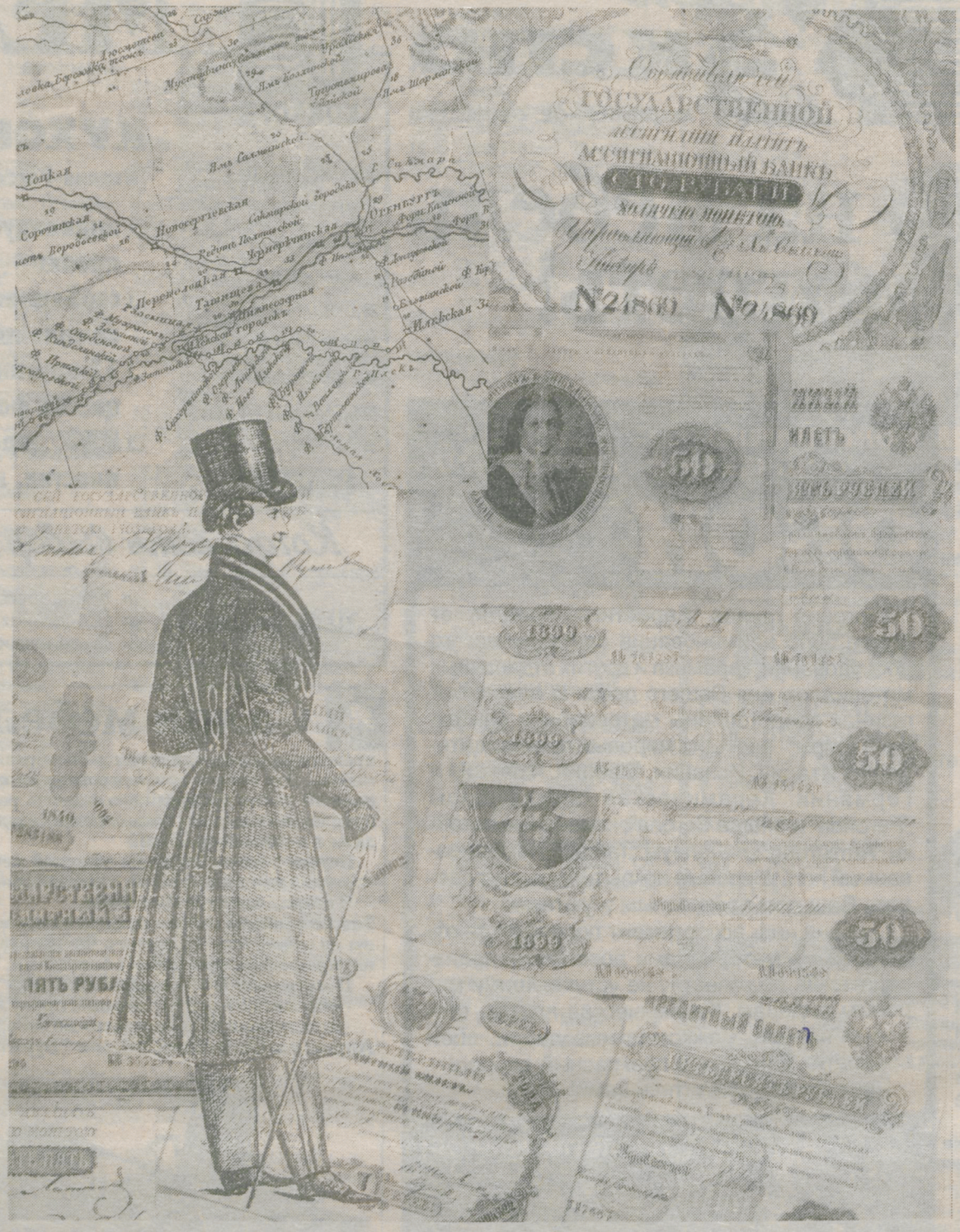
ВЕЧЕРНИЙ ОРЕНБУРГ
№50/ 9 декабря 1999 года

"Все у него правда..."

Оренбургские предания в повести В.И. Даля "Серенькая"

ЕЛИЗАВЕТА ВЕРТОУСОВА

Владимир Иванович Даль хорошо известен как писатель, но писатель своеобразный. Н.В. Гоголь отозвался о нем: "Он не поэт, не владеет исскуством вымысла... Все у него правда и взято так, как есть в природе..." Даль сам предупреждал: "не ищите в записках живого человека повести или романа, т.е. сочинения; это ряд живых картин, из коих немногие только по пословице: гора с горой, в связи между собою и последующими".

Прожив в Оренбурге 8 лет и обладая исключительной наблюдательностью, Даль конечно же увидел и запомнил многие оренбургские "живые картины" и использовал их в своих произведениях, часто не указывая место действия, так что узнать их можно только зная оренбургские предания.

Наиболее четко узнаются оренбургские "живые картины" в повести "Серенькая" из серии "Новые картины русского быта". Серенькой называли пятидесятирублевую ассигнацию. В повести эта ассигнация - фальшивая, сделанная в глухой чувашской деревне пришлым воровским человеком. В своем движении от человека к человеку эта ассигнация принесла множество несчастий.

В Оренбургском областном архиве дела о фальшивых ассигнациях за годы, когда Даль служил в Оренбурге, почти не встречаются. Более того, 2000 рублей по распоряжению министра финансов переданные в канцелярию военного губернатора на "секретные разыскания делателей фальшивых денег" переходили без использования из месяца в месяц, из года в год.

Пока, наконец, в 1838 году не были возвращены в уездное казначейство. Но Даль по своему положению чиновника особых поручений при военном губернаторе имел доступ к архивам и мог познакомиться с делами о фальшивых ассигнациях, некоторые из которых дошли и до нас. Знакомство с этими документами не позволяет сделать вывод, что именно эти ситуации использованы Далем в повести. Но они очень похожи и позволяют подтвердить правоту Даля, написавшего: "и пойдет проклятый лоскут этот по всей Руси, на горе и на гибель многих... Как жгучий уголь, как червь, как шашель протачивается этот лоскуток сквозь целый ряд неповинных, покидая на каждом следы своей злобы и греха, покуда наконец не наткнется на рокового, который высидит за него целые годы в тюрьме и выйдет наконец оттуда разоренный, без хлеба и одежи, развращенный острожными товарищами. А много ли найдется даже, так называемых, порядочных людей, кои, призадумавшись над такою бумажкой, решились бы истребить ее, чтобы не было с нею больше греха? Помилуйте, да за что же я на себя поступлюсь, ведь не я ее делал, не я виноват, что она мне досталась!"

Более отчетливо просматриваются оренбургские предания в главе "Домик на Водяной улице", начинающейся с фразы: "В опрятном новом городке Елизаветинских времен, перенесенном трижды с места на место, в переулке Водяной улицы стоял сильно развалившийся домишко..." Улица Водяная может быть в разных городах, но переносился трижды с места на место Оренбург и к Оренбургу обращается герой Даля здесь же: "Здравствуй, трижды зачатая, единожды рожденная твердыня, русский город: век стоять тебе покровом и оплотом ширить могучие крылья свои!" В вышеназванном развалившемся домике жила Анна Ивановна, дочь капитана Комлева, бывшего при закладке Оренбурга "правой рукой коменданта, некогда одного из чудо-богатырей Суворова; у него все делалось мигом, как в сказке у Ивана царевича, и мигом у него домик поспел, куда приютить надо было молодую жену, которая жила дотоле в стоявшей невдалеке киргизской кибитке. Но он не дал повершить и покрыть своего дома, покуда не была повершена единая в окружности сотен верст церковь". Несмотря на робкие замечания жены, что ребенку, Аннушке, становится холодно в кибитке, что зима на дворе, а она здесь, говорят, бывает суровая, кибитки горой заносит снегом", он не завершил свой дом, пока не "загудели колокола, раздался первый благовест над Яиком-рекой, звон которого местные народы не слыхивали и дивились ему, широко разинув рот". (По свидетельству П.И. Рычкова, первая церковь в Оренбурге была освящена в честь Успения Пресвятые Богородицы в сентябре 1743 года - Е.В.) У капитана Комлева был любимый денщик "Иванушка, прозванный Скобушкою", впоследствии "один из храбрейших генералов наших, у которого под конец службы его из десяти пальцев на руках оставалось только три... комендант Петропавловской Петербургской крепости Иван Никитич Скобелев".

Иван Никитич Скобелев лицо реальное - дед "Белого генерала" Михаила Дмитриевича Скобелева. В энциклопедическом словаре Брокгауза - Ефрона написано: "Скобелев Иван Никитич 1778-1849 - генерал от инфантерии и военный писатель, сын однодворца, в службу вступил 14 лет от роду солдатом в первый полевой Оренбургский полк и лишь через 11 лет добился чина прапорщика... Находясь адъютантом при генерале Невском, Скобелев участвовал почти во всех сражениях против турок... Будучи адъютантом главнокомандующего Кутузова, отличился в Бородинском сражении и затем все время участвовал в кампаниях 1813, 1814, 1815 гг. В звании коменданта Петропавловской крепости (с 1839г.) Скобелев оставил о себе память как о сострадательном человеке... Характерными особенностями произведений Скобелева, которые в силу его малограмотности подвергались исправлению со стороны его друга Н.И. Греча, были оригинальная форма изложения, простота и правдивость". Благодаря помощи преподавателя госпедуниверситета В.Г. Семенова, удалось выяснить дополнительно: по семейным преданиям Скобелевых, их дальние предки были дворяне, при московских царях и при Петре Великом они, как говорилось в то время, оказывались в нетях", т.е. бежали от военной службы, а потому захудали и перестали считаться дворянами. Иван Никитович был сыном сержанта, однодворца Ставропольского уезда Оренбургской, впоследствии Самарской губернии. Детство провел в тяжелых условиях в Оренбургской губернии. На войне обнаружил изумительную храбрость и огромное самообладание. Когда во время польского восстания под Минском ему раздробило левую руку, он имел мужество во время операции, сидя на барабане, продиктовать приказ по полку, в котором писал, что для его службы ему и "трех оставшихся пальцев с избытком достаточно" (два пальца он потерял ранее).

Как видим, И.Н. Скобелев, генерал с тремя пальцами, мог быть денщиком в Оренбурге. Но ни он, родившийся в 1778 г., ни "один из чудо-богатырей Суворова" (Суворов родился в 1729 г. и совершал свои знаменитые походы во времена Екатерины II - Е.В.) не могли находиться в 1743 году при закладке "города Елизаветинских времен" Оренбурга. Даль переместил их во времени.

А вот девочка Анна действительно поздней осенью года жила в кибитке. Но это не капитанская дочка Ивановна Комлева, как у Д а двенадцатилетняя Анна новна Неплюева, дочь осн теля Оренбурга и Оренбургского губернат В.Н. Витевский в своей м графии о И.И. Неплюеве пи "до ноября месяца он ж обыкновенной землянке, к была у последнего рабоч имея только для своей надцатилетней дочери (А Ивановны) кибитку, и, лично поряжаясь и надзирая за ра тами, Неплюев не прежде се селился в отстроенный для н дом, как все обитатели земля получили возможность пере в свои дома, а гарнизон - в зармы". Анна Ивановна Непл ева, скончавшаяся в 1790 г была замужем за действите ным статским советником Ми илом Куприяновичем Лунин в отличие от героини пове Даля оставшейся одинокой конца жизни.

Об Оренбургском клим говорит фраза Даля: "з здесь бывает суровая, киби горой заносит снегом". В поминаниях старожила, о ликованных в "Тургайской г те" с подписью "Дед Ц", н чатано: "снега и бураны настолько обильны и сви что во время последних кре стные ворота запирались, в впускали только приезжавш город, но из города даже в беду не выпускали. Обилие гов было так значительно, некоторые улицы были со шенно занесены, торчали т ко концы труб и жители вых ли через прорытые галереи. нечно, подобные заносы был каждый год и от них стра только кривобокие лачужки. нажды известный писатель Даль, состоявший при воен губернаторе В.А.Перовском, вращаясь от него домой поздно ночью при с ном буране, заблудился; после долгого скита по непролазным сугробам снега лошадь его о залась везти его далее. Усадив кучера в сани, кутав его полами своей дохи, В.И. решил ж рассвета. Когда рассвело, то оказалось, что шадь уперлась в домовую трубу занесенной бенки в нынешней улице Перовского" (сейчас Пролетарская - Е.В.).

Еще одна ситуация в повести В.И. Даля сказывает об Оренбурге первой половины века. Его героиня - одинокая, престарелая, чти нищая Анна Ивановна Комлева, сделав то, что не решились сделать другие - сжечь ф шивую 50-рублевую ассигнацию, доставшу ей как наследство от дальней родственницы жила в развалившемся домике на Водяной у це, который не один раз порывались разлома "А что ж, батюшка, ломайте, - говорила ти хозяйка, когда к ней приходила полиция с э угрозой, - ломайте надо мною, я никуда не в ду, мне выйти некуда, только меня не убейт Да лачуга Ваша скоро сама вся развалится и убьет, - говорили ей. Но и на это был один вет: А уж это, батюшка, божья воля, с Богом поспоришь", - читаем у Даля. А у Столпянск при описании состояния города в 1827 г "Градская полиция через чиновников своих несколько раз подтверждала жителям г. О бурга тем, которые имеют дома ветхие и на ченные к сломке, чтобы они, во избежание гущего произойти вреда от чрезвычайной в ветхости, в нынешнее летнее время вышли них и заблаговременно приготовили бы се зиме жилища..."

Наш краевед В.В. Дорофеев пишет: "В 1 году военный губернатор назначил особу миссию, которая должна была осмотре дома и ветхие назначить к слому... Тех, состоянии был отремонтировать дом или п роить новый, предписывалось выселять из рода в новое предместье, которое... полу название "Новая слободка". Владельцам, пе селившимся в Новую слободку, выделялось нежное пособие - 50 рублей ассигнациями 50 бревен... Сравнительный анализ планов казывает, что больше всего ветхих домов, х ева которых переселились в Новую слобо было в западной части Водяной улицы..."

В повести В.И. Даля описано еще несколь "живых картин", расшифровать которые предстоит.